

— Мой отец всё спрашивает, почему ты в последнее время к нам не заходишь. Старик со мной вообще не разговаривает, а ты — даже после всего того идиотского дерьма, что устроил — всё равно остаёшься его любимчиком. В тот момент, когда я тебя увидел, все мои чувства к тебе просто умерли.

Го Ёхан усмехнулся, голос сочился насмешкой.

— Так скажи мне, в чём твой секрет?

— ... Ага.

— Ага, блять? И это всё, что ты можешь сказать?

— ...

— Короче, я пытаюсь с тобой помириться только из-за отца. Понял? Так что не строй иллюзий. Если я скажу ему, что мы больше не общаемся, меня снова назовут придурком.

Свои слова он подкрепил хлётким ударом по моей руке. Сильным.

От силы удара я слегка пошатнулся, но Го Ёхан даже не потрудился меня удержать.

Это, как ничто другое, доказывало, насколько искренними были его слова.

— Так что, если по-честному, я на самом деле не хочу с тобой мириться. Я просто заставляю себя это делать.

— Хорошо...

— Не строй, блять, ложных иллюзий.

— Я понял. Понял уже, хватит...

Во мне вскипело раздражение. Неужели обязательно было вот так разжёвывать?

Го Ёхан — редкая мразь.

Моё терпение и так было на исходе, и прежде чем я успел опомниться, мои собственные слова прозвучали колкостью.

— Отлично. Тогда и хорошо, потому что я тоже не хочу дружить с таким эгоистичным мудаком, как ты.

Я не собирался уступать ему верх.

Отчасти это было простое упрямство, но в основном — я не хотел, чтобы он думал, будто я всё ещё за него цепляюсь после всего.

Но Го Ёхану, видимо, мой ответ не понравился.

— Что ты сказал?

Ему, должно быть, не понравилось слышать, как я так о нём отзываюсь.

Голос упал, стал холодным и низким.

— Я спросил какого хрена ты сказал?

Открытая враждебность.

Но я чувствовал только досаду.

Почему злиться разрешено только ему?

Да ёбаный же в рот, я всё это время сдерживался.

— Слушай, я первый скажу. Я просто скажу это. Я был неправ. Я просто пытался помочь. Признаю, я облажался.

Я выпалил слова очередью, отчаянно пытаюсь перебить его, прежде чем он успеет сказать что-то ещё.

Я не хотел больше в это ввязываться.

Я просто хотел закончить этот разговор.

Да. Нужно было ещё чуть-чуть потерпеть.

Я сжал кулаки под пиджаком и сглотнул.

Я могу побыть идиотом ещё один последний раз ради спокойной школьной жизни.

Я выдохнул и заставил себя говорить дальше, выплёскивая все мысли, которые копил.

— ...Да, я был неправ. Я был так неправ, что пиздец. Меня затянула эта идея помочь тебе, и я сделал такую херню, что меня тошнит от одной мысли. Я был жалким. И да, ты прав. Я сам не знаю, о чём я думал. Наверное, ни о чём, потому что я был конченным идиотом. Так что прости меня.

Каждое слово, слетавшее с моих губ, было чистейшей правдой.

И честно?

Я просто хотел, чтобы эта душная, паршивая ситуация наконец закончилась.

— Но помириться с тобой я не могу. Давай просто сделаем вид, что не знаем друг друга, и разойдёмся.

Что, он ожидал, что я снова буду с ним тусоваться после всего?

Это был бы ад.

Я не дурак.

Но я усвоил урок.

Возвращаться к Го Ёхану сейчас? Это было бы так же тупо, как снова вскрыть себе вены.

В долгосрочной перспективе это было правильное решение.

Я себя ценил.

Так что я заставил себя вытерпеть этот стыд, эту досаду, этот пожар в горле от непролитых слёз.

Потому что я видел картину целиком.

— Давай сделаем вид, что ничего не было. Так ведь сойдёт? Ты сказал, что тебе на меня насрать. Ты не хочешь меня видеть, да? Так что давай просто закончим с этим. Друзья, враги, не важно — давай поставим здесь точку.

Мой голос к концу почти стих.

Последний месяц Го Ёхан на меня даже не смотрел.

Единственные разы, когда он приближался — это когда хотел разорвать меня на части.

Когда он сказал, что ему всё равно — он реально так думал.

Кулаки сжались сильнее по привычке.

Нужно было сдержать ком, подступающий к горлу.

Не плачь. Не смей, блять, плакать.

Я прикусил язык и проглотил всё.

Я молодец.

Кажется, я молодец.

Я тяжело сглотнул и попытался успокоить голос.

— Можешь говорить отцу, что мы друзья. Скажи, что мы помирились.

Мой телефон уже давно надрывался вибрацией.

Наверное, таксист.

Идеально.

Удобный предлог.

Я развернул экран к Го Ёхану и резко дёрнулся в сторону.

— Всё, я пошёл. Такси приехало.

Наконец-то.

Я могу уйти.

Я могу свалить нахер отсюда.

Я уже проглотил гордость и извинился.

Я повёл себя как взрослый.

Значит, я лучше, да?

Этого было достаточно, чтобы обмануть себя и поверить, что это чудовищное чувство ничего не значит.

— ...Это ты куда собрался?

— Ах!

Я не ушёл из того переуллка.

Потому что Го Ёхан схватил меня и дёрнул назад.

Спина врезалась в стену.

По позвоночнику прострелила боль, я выдохнул сдавленным хрипом.

— Ты что, твою мать...

— Тогда к кому ты теперь прилепишься?

Слова вылетели ниоткуда.

— ...Что?

— Скажи мне. Ты поссорился с Хан Джун У — побежал ко мне. Теперь поссорился со мной — кто следующий? Ты же в этом мастер, да? Присасываться к людям, как грёбанный паразит.

Паразит.

Слова вонзились мне прямо в грудь.

Мой взгляд сам собой упал на травмированную ногу.

Твою мать.

Что я, блять, такого сделал? Что я такого сделал, чтобы заслужить это?

Даже Го Ёхан теперь так говорит?

Ногти впились в ладонь так, что чуть не порвали кожу.

Да.

Я боролся за собственное выживание.

Если бы я не боролся, меня бы просто бросили гнить.

Но разве это то, чего стоит стыдиться?

Моя обида и злость превратились в колючие шипы.

— К кому я прилеплюсь дальше? Тебе-то какое дело?

Я оттолкнулся от стены и попытался пройти мимо него.

Но снова...

Го Ёхан толкнул меня обратно.

Боль снова взорвалась в спине, я закусил губу от боли.

Я поднял на него глаза, его лицо было искажено яростью, дыхание вырывалось рваными хрипами.

— Ты.. Следи за своим поганым...

— Парни?

Го Ёхан замер.

Я тоже.

Мы одновременно повернули головы.

У входа в переулок стоял таксист, прижав телефон к уху.

Мой телефон всё ещё надрывался в кармане.

Мужчина средних лет с подозрением переводил взгляд с меня на Го Ёхана.

— Что здесь происходит?

— А... Господин! Вы таксист, да? Это я вызывал.

Пока Го Ёхан был застигнут врасплох, я мгновенно выпрямился и бросился к водителю у входа в переулок.

— Погоди.. Этот парень сейчас к тебе приставал?

— Нет, мы просто разговаривали. Пойдёмте. Я, кажется, опаздываю. Если поедете прямо сейчас, заплачу в тройном размере.

Водитель колебался, взгляд метался между мной и Го Ёханом. Потом, указав на него, сказал:

— Осторожнее, парень. Нельзя так делать, понял? Я только потому закрываю глаза, что спешу сейчас, но...

— Господин, простите, пожалуйста, но не могли бы мы просто поехать? Я правда могу опоздать.

Я залез в такси, шатаюсь на нетвёрдых ногах. Водитель вздохнул, явно встревоженный, но сел в машину, всё ещё бросая настороженные взгляды на Го Ёхана.

Взрослые они всё же взрослые.

А у Го Ёхана, по крайней мере, ещё оставались зачатки здравого смысла.

Он стоял там, хмурясь, не двигаясь с места. Просто долго смотрел на водителя и меня, а потом...

Бах!

Он со всей силы врезал кулаком по стене.

— ..!

Звук был такой громкий, что моё тело дёрнулось от испуга.

Почти так же, как месяц назад — но не совсем.

Лицо Го Ёхана было искажено гневом.

Чистая, нефильТРованная ярость.

На нём это смотрелось неестественно.

Мне стало страшно.

В панике я попытался поспешно захлопнуть дверцу такси...

Но, конечно же.

У меня не вышло.

— Эй.

Го Ёхан уже шагнул вперёд, схватившись за ручку двери прежде, чем я успел её закрыть.

Он совсем с катушек слетел?!

Я дёрнул дверь изо всех сил, но, конечно, в чистой силе мне было не победить.

В отчаянии я инстинктивно посмотрел на него снизу вверх.

— Эй! Ты что творишь, парень?!

Раздался злой голос таксиста.

Но Го Ёхан даже не вздрогнул.

Вместо этого он выпалил нечто совершенно неожиданное.

— На днях услышал кое-что — Шин Джэхен? Этот тип? Этот америкос — полный конченный идиот.

А потом.

Прежде чем я успел среагировать...

Он захлопнул дверь с такой силой, что меня чуть не отбросило назад.

Грохот был оглушительным.

В ушах зазвенело, я инстинктивно вжался внутрь.

Сквозь звон я едва расслышал, как Го Ёхан пробормотал себе под нос, закусив губу.

— Не приближайся к нему слишком близко. А то сам станешь таким же идиотом.

Ты, наверное, ещё больший идиот, чем Шин Джэхен.

Надо было ему так и сказать.

Всю дорогу в такси я жалел о своей вялой реакции. Вдобавок жалел, что вообще сел в это такси. За короткое время, пока мы ехали до школы, мои уши успели прожужжать бесконечными разговорами о том, как бороться со школьным насилием. До чего же любопытный мир.

Хотя, не скажу, что сам я не был любопытным. Оставшись один в пустом классе, я вертел в руках незнакомый ключ в кармане.

Да. Нельзя платить добром за предательство.

Я и так уже достаточно взял. Решение было принято, и моё колеблющееся тело наконец сдвинулось с места. Я вырвал лист из тетради. Немного вздохнув, взял ручку.

«Больше со мной не разговаривай».

Я чуть не добавил «если не хочешь, чтобы тебя тоже задирали», но вовремя остановился. Это было бы слишком жалко.

Затем я прошёл в конец класса и нашёл шкафчик Шин Джэхена. Номер 18. Число, которое почему-то ему подходило — как его место в рейтинге или что-то такое.

Коридор был совершенно пуст. Повезло.

Я подошёл к шкафчику под номером 18 и сунул внутрь сложенную записку. Быстро огляделся — никто не видел. Идеальное преступление.

Волоча тяжёлое тело, я подошёл к окну. Сквозь стекло был виден школьный двор и главные ворота. Там стоял Го Ёхан.

Судя по времени, когда я приехал и когда его увидел, он сегодня пришёл пораньше. Мой взгляд, по привычке, никак не хотел от него отрываться.

И тут, внезапно, Го Ёхан поднял голову.

Вздвогнув, я быстро нырнул за колонну. Близко — чуть не встретились взглядами.

Не думая ни секунды, я поспешил в художественный класс.

Сквозь тонкую ткань кармана я всё ещё чувствовал твёрдый вес ключа.

В этот раз я вернулся прямо перед началом утренней линейки, тихо влившись в класс. Никто не спросил, где я был. Я намеренно избегал смотреть на место Го Ёхана. На всякий случай я не смотрел и на Шин Джэхена. Воспоминания о том, как меня избили за то, что я вступился за Хан Тэсана, было достаточно.

Ненавижу доставлять проблемы другим. Ещё ненавижу таких, как О Енджун, которые не ценят добро.

В тот момент, когда Шин Джэхен нашел бы ту безымянную записку, я надеялся, что он сразу поймёт, что она значит — и что он никогда больше со мной не заговорит.

Даже после обеда я не проронил ни слова.

— ...

Две головы впереди меня так и остались смотреть вперёд, ни разу не обернувшись. О Енджун, который взял у меня тему для задания, напрочь стёр свой интерес к моему существованию. Меня не травили открыто — просто молчаливо исключили.

Шин Джэхен не пришёл искать меня в художественном классе во время обеда. Развалившись на парте, я переоценил своё мнение о нём. Он умнее, чем я думал. Ну, парень, который со всеми ладит, не может быть идиотом. Просто умеет держать лицо.

Быть добрым не значит не понимать, когда нужно отступить.

И всё же я не мог не думать — мне-то лучше, чем Хан Тэсану, правда?

В то же время я поймал себя на надежде, что Го Ёхан действительно отличается от Хан Джун У. Это была моя хрупкая надежда — такая же слабая, как моё эгоистичное желание поставить собственную безопасность выше, чем положиться на него.

В безвыходных ситуациях ожидания снижаются.

День сжигания мусора: вторая и четвёртая пятница месяца.

Когда заняться нечем, даже самые ничтожные вещи бросаются в глаза. В тот день это было розовое объявление, приклеенное к стене. Понятия не имею, сколько оно там провисело. Тонкий слой пыли, едва заметный на свету, покрывал его поверхность. Вокруг продолжался шум, но я молчал, один.

— Если ты не из нашего класса, вали отсюда.

Почему-то эта фраза всплыла в голове. Я машинально подумал, что если когда-нибудь услышу эти слова, мне тоже придётся уйти из этого класса. Мысль была настолько абсурдной, что я тихо хмыкнул. Когда ты один, даже самые тупые вещи кажутся смешными.

— Что за хрень.

Кто-то рядом, видимо, заметил, что я смеюсь сам с собой. Он зашептал другу, косясь в мою сторону. Если хотите говорить обо мне, имейте смелость сказать это в лицо. От этого полузавуалированного перешёптывания у меня не осталось и капли энергии. Не хотелось оставаться в этом классе, где со мной обращались как с чужим.

Уроки всё равно кончились, и сегодня даже Го Ёхан был подозрительно тих, из-за чего его настроение стало ещё труднее читать. Закинув рюкзак на плечо, я решил просто пойти домой.

Но ноги почему-то принесли меня совсем в другое место — к мусоросжигателю.

Когда мысли слишком затягиваются, случаются ошибки. Едкий смрад ударил в нос, пока я стоял там, погружённый в собственную жалкую одержимость.

И что бы изменилось, будь мои кроссовки здесь? Я что идиот?

Как будто я мог их найти в этой горе мусора. Это было невозможно. Я принял это решение ещё в первый же день. Тот факт, что я не пошёл смотреть сразу, был доказательством того, что я выбрал отрицание вместо реальности. Покачивая головой самому себе, я отвернулся.

И тут я услышал это.

— Эй! Летучая мышь улетает!

Голос донесся из переулка за школьной мусоросжигалкой. А вместе с ним — знакомый запах сигарет.

Звуки детской песенки — «Летучая мышь улетает» — выкрикивали, а не пели, исковеркав слова с насмешливым весельем. Смех их восторженной аудитории заставил мой желудок сжаться.

— Твою мать. Вот невезуха.

Мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы знать, кто это. Я провёл с этим голосом целый год.

Хон Хвиджун. Этот ублюдок. Мусор, который раньше был одним из приспешников Хан Джун У. Его имя уже начинало стираться из памяти, но его присутствие всё ещё оставляло неприятный привкус.

Из всех людей, на кого можно наткнуться, почему именно на него? Это был парень, которому даже Пак Дончоль боялся переходить дорогу.

Ладно. Связываться с ним — только хуже себе сделать. Я даже не оглянулся — просто пошёл вперёд.

Но у отбросов этого мира всегда есть способ сделать всё ещё хуже. Как сейчас.

— Ух!

Что-то с силой врезалось мне в поясницу. Я едва удержался от падения, взгляд упал на землю. Между ног покатился раздавленный, испачканный грязью стаканчик из-под йогурта.

В голове похолодело. Штаны были мокрыми.

Я слегка скрутился, проверяя ущерб.

— Твою мать. Гляньте на этого мелкого, свои слюни повсюду расплёскивает.

— Фу, мерзость. Что это, сперма, что ли?

Густой липкий комок клубничного йогурта прилип к моим серым штанам, а потом капнул на землю.

— ...Твою мать.

Холод в голове вскипел. Мразота. Ругательства крутились во рту, невысказанные, но давящие на зубы. Пальцы так сильно сжали штанину, что ткань собралась в кулаке.

Я наконец поднял глаза.

Вот он, Хон Хвиджун, развалившись у стены между зданиями, с сигаретой в зубах. Несколько знакомых рож окружили его, на их ухмыляющиеся рты было невыносимо смотреть.

— Эй. Иди сюда.

Хон Хвиджун поманил пальцем.

Нет.

Я закусил губу и повторял это слово в голове снова и снова. Ничего хорошего из этого не выйдет. Я проиграю. Я это знаю.

— Я сказал, иди сюда.

Блять.

Я резко выдохнул, отпуская штаны. Взгляд метнулся вперёд. Одновременно я вытащил телефон из кармана. Найти взрослого — единственное оружие, что у меня было.

Хон Хвиджун заметил, что я делаю, и рванул вперёд, выхватив телефон из рук одним быстрым движением.

— Эй, эй, эй, эй! Кому звоним? Так дела не делаются, давай-ка.

— Отдай.

— Отдай? И кому это ты собрался звонить? Что, ментам? Тупица, ты думаешь, ты типа жертва?

Слово «менты» вызвало у него приступ смеха.

Хон Хвиджун схватился за грудь, угорая. Смех прокатился по его маленькой компании.

Я узнал их лица. С некоторыми я тусовался ещё в первую половину первого года. Похоже, Хон Хвиджун занял опустевший трон Хан Джун У.

Твою мать, и правда поднялся.

— Или можешь позвонить Го Ёхану? Слышь, тебе пора бы уже понять, когда надо сдать. Все знают, что он тебя отмудохал.

Хон Хвиджун постучал по моему телефону, ухмыляясь.

— А совпадение-то, а? Сначала рука, теперь нога. Хрусть, хрусть.

— Это был несчастный случай. Я упал. Наступил на стекло. Хватит уже и валите нахер.

— Валите? О, слышали? Кан Джун сказал мне валить нахер.

Их хихиканье не прекращалось.

Это бесило больше всего. Моё лицо исказилось в хмурой гримасе. Я уронил руку, сдаваясь попыткой забрать телефон. Вместо этого я заострил голос, как нож.

— А чё вы ржёте?

— Чего ржём? Да ладно, ты и сам знаешь. Мы уже видели этот спектакль. Помнишь того парня в середине второго курса? Не помнишь?

— Не помню. И мне плевать. Просто скажи, что хочешь от меня.

— Не помнишь? Тебе-то самому стоит помнить. Хан Тэсан. Помнишь Хан Тэсана, а? Грушу для битья. Который каждый день провонял тем, что его пиздили.

Хон Хвиджун растопырил пальцы, и просто так мой телефон выскользнул, с глухим стуком упав на землю.

А потом он схватил меня за воротник.

Вблизи его лицо было ещё отвратительнее, провоняло сигаретным дымом.

И тут он сказал.

— А ты сам провонял грушей для битья.

Он заржал, тряся плечами, будто это было самое смешное в мире.

— Знаешь, мы ведь с тобой больше года тусили, а ты даже не делал вид, что тебе не похуй. У тебя вообще манер нет.

— ...

— Ты просто выскользнул, чистенький. Боже, как же я тебя за это ненавижу.

— Да? И чья это вина?

— Что?

Хватка на воротнике усилилась. Я опустил взгляд, глядя на его руку, когда говорил.

— Это ты идиот, который продолжал быть на стороне Хан Джун У, даже не понимая, что он за мразь. С чего ты вообще на меня гонишь?

— Ах ты мелкий...

— И у тебя даже кишка тонка слово сказать Пак Дончолю, который к Го Ёхану в жопу вцепился. А теперь, только сейчас, ты наконец вычказываешь все?

Если бы я подрался, я бы проиграл. Мне никогда не победить Хон Хвиджуна. Была чёткая причина, по которой я всегда был игроком второго сорта в этой игре. Я не умел драться. Я был меньше, слабее.

И всё же я не отступал от драки, которую он навязывал.

Во-первых, в отличие от того раза, когда меня избил Хан Джун У, это было очень публичное место. Как минимум человек десять наверху, наверное, смотрели в окна.

Во-вторых, даже если никто другой не смотрел, друзья самого Хон Хвиджуна были свидетелями.

В-третьих, он был прав — моя ситуация и так висела на волоске.

И наконец, последнее и самое главное, такие мрази, как он, обязательно будут лезть ко мне и в будущем. Вот так же. И к тому времени я должен был предупредить их как можно лучше.

Кан Джун — не тот, с кем можно просто так связаться.

— Эй, парни. Похоже, Кан Джун реально хочет, чтобы его отпиздили.

Я должен был победить, даже если придётся играть грязно.

Но чёткая стратегия не приходила в голову. Сколько ни думай, я не мог найти немедленного способа переломить ситуацию.

И всё же, несмотря на это, слова, которые слетели с моих губ, были полны одного лишь вызова.

— А кто, блять, хочет, чтобы его били?

Шлеп.

Его ладонь хлестнула по моей щеке сверху вниз. Перед глазами поплыло. Голова зазвенела, словно её тряхнули внутри черепа.

Твою мать.

Во рту разлился металлический привкус.

— Ну как? Хреново, да?

Ага. Хреннее некуда.

Я облизал ранку внутри рта, буравя его взглядом.

У меня не было шансов победить.

Все всегда это говорили — кто бьёт первым, тот и выигрывает. Я не нанёс первый удар, и позиция у меня была невыгодная.

Толстые, грубые пальцы ткнули меня. Ощущение было невыносимо раздражающим, отвратительным.

— Ого, гляньте на этого. Зыркает. Страшно, да?

Они скалились на меня. Четверо, может, пятеро.

Потом поднялась ещё одна огромная рука.

Шлеп.

Щека горела.

— Блин, как приятно. А звук слышали? Кайф же, да?

Шлеп.

На этот раз по другой щеке.

Рефлекторно я схватил его за запястье, пытаюсь вырвать воротник из его хватки. Но сколько бы силы я ни прикладывал, его рука не двигалась.

Я ничего не мог сделать одной рукой.

Дерьмо.

В глазах помутнело.

— Гляньте на этого, кожа да кости. Если собрался драться, надо было хотя бы первым бить.

Его кулак врезался мне в руку.

Потом ещё один удар.

Острая боль, как от лезвия бритвы, полоснула по губе.

Она рассеклась.

Было больно. Больно.

Ага. Надо было бить первым. Надо было...

Шлеп.

Голова мотнулась в сторону. В то же место, куда он ударил в первый раз.

Хон Хвиджун откинул голову назад и заржал так, будто никогда не испытывал большего удовлетворения.

И в этот момент в голове молнией пронёсся голос.

«Хан Джун У ударил первым, но я всё равно победил, помнишь? Видишь, Джун-а? Я сильный.»

Это было ещё тогда, когда между мной и Го Ёханом не всё было кончено.

Когда он так тепло смеялся в моей комнате.

Почему?

Почему у меня вдруг защипало глаза?

— Эй, это что? Этот урод сейчас заплачет, что ли?

— Нихера себе, я никогда не видел, чтобы Кан Джун плакал.

— Снимай! Камеру доставай. Это золото. Если заплачет, выложим на школьный сайт. Пусть все посмотрят.

Их смех становился громче.

«Наш Джун слабый, так что я научу тебя самому простому способу победить, даже если кто-то первый полезет. Если кто-то к тебе цепляется, Джун-а, первое, что ты делаешь...»

Глаза Го Ёхана, его рот, то, как его пальцы мягко обхватили мои.

Мне повезло, что у меня хорошая память.

Одной рукой я схватил указательный палец Хон Хвиджуна.

— Ты что творишь? Вцепился в мой палец, как маленькая сучка...

Их смех стал ещё громче.

А потом, используя все остатки силы, я вывернул его указательный палец в обратную сторону и бросил весь вес назад.

Хон Хвиджун заорал.

Когда его равновесие рухнуло, он упал вместе со мной.

Как только его хватка ослабла, я вывернулся.

Честно говоря, я не ожидал, что это сработает.

Но я уже приготовился к падению, так что в тот миг, когда я врезался в землю, я тут же вскочил обратно.

И вцепился ему в волосы.

— Ты ублюдок! Эй!

«Если тебя поймали, падай сам нарочно. Сбрось иерархию, которую этот мудака установил. И в тот момент, когда они расслабятся — хватай за волосы. Ты задумывался, почему бандиты лысые? Потому что если в драке тебя схватят за волосы — ты труп. Лучшее место, куда хватать? Между ухом и макушкой. Вцепись туда пальцами, как сеткой — не просто хватай, а запутай пальцы.»

Я всё ещё видел, как длинные пальцы Го Ёхана рассекают воздух.

Я тогда кивнул, счастливый, будто узнаю что-то невероятно захватывающее.

Его голос был таким мягким, когда он объяснял.

Но моё собственное лицо было искажено и дико, когда я бросился на Хон Хвиджуна, запуская руки глубоко в его волосы.

— Ты чё творишь, псих долбаный?!

«А потом прижми их своим весом. Используй всё своё тело. Если потеряешь контроль над позицией — проиграешь. Но если ты никогда не дашь им её вернуть — тогда ты победишь.»

В моей памяти ладонь Го Ёхана с грохотом опустилась на стол.

Я вогнал плечо в Хон Хвиджуна, вдавливая его голову в землю.

Он дёргался, как таракан.

— Слезь с меня, мразь!

Пинок врезался мне в плечо.

Спина горела. Голову пинали, как мяч.

Сквозь боль я слышал голос Го Ёхана, спокойный, терпеливый.

«Просто сосредоточься на том, чтобы выбить всё дерьмо из одного парня.»

Неважно, сколько они били меня.

Если я сломаю его первым...

Что бы со мной ни случилось, останется только один неоспоримый факт.

Я победил.

<http://bllate.org/book/12586/1581782>